

Славянский мир
и его судьбы
в древнейшую
эпоху его истории
в первой редакции
“Хроники”
Мартина Кромера

The Slavic World
and Its Destiny in
the Earliest Epoch of
Its History according
to the First Redaction
of the *Chronicle* by
Marcin Kromer

Борис Николаевич Флоря

Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

Boris N. Floria

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Резюме

Изучение первого издания “Хроники” Мартина Кромера позволяет показать зарождение в польской исторической мысли середины XVI в. элементов научного исследования при рассмотрении таких вопросов, как прародина славян, пути и хронология их миграций на земли Центральной и Юго-Восточной Европы.

Ключевые слова

Мартин Кромер, XVI век, Польша, хроники, древние славяне, прародина славян, миграция древних славян

Abstract

Research on the first edition of the *Chronicle* by Marcin Kromer allows one to trace the genesis of elements of scholarly research into Polish historical thought of the mid-16th century; this includes the treatment of such issues as the homeland of the Slavs and the routes and chronology of their migration to the lands of Central and South-Eastern Europe.

Keywords

Marcin Kromer, 16th century, Poland, chronicles, early Slavs, homeland of the Slavs, migration of early Slavs

В середине XVI в. в сознании польского общества существовали разные представления об исторических судьбах славянского мира на заре его истории. Широким признанием пользовалась гипотеза о балканской прародине славян, которые, выйдя оттуда, перешли Дунай и поселились на землях к северу от него. Такое построение, детально разработанное Яном Длугошем во второй половине XV в., в своих основных чертах было воспроизведено в “Хронике” Матвея Меховского. Напечатанная в Польше в 1519 г. “Хроника” стала главным источником знаний о прошлом славянского мира для образованных верхов польского общества.

Такое построение, уже когда Меховский писал свою “Хронику”, встретилось с критикой итальянских ученых (в частности, Флавия Бьондо), утверждавших, ссылаясь на тексты византийских авторов, что славяне жили на север от Дуная и перешли через эту реку и стали селиться на Балканах лишь в правление императора Маврикия на рубеже VI–VII вв. Против этого построения выступил в своем труде и королевский историограф Бернард Ваповский, но он не успел завершить свой труд, он не был напечатан, и рукопись была доступна весьма узкому кругу людей (взглядам П. Ваповского, как их можно восстановить по ссылкам на него М. Бельского и М. Кромера, посвящено специальное исследование автора: [Флоря 2017]). Поэтому гипотеза о балканской прародине славян продолжала пользоваться широким признанием. Её излагал во введении к своим “Анналам” известный писатель и публицист середины XVI в. С. Ожеховский [Мыльников 1996: 88].

К тому времени, когда М. Меховский публиковал свою “Хронику”, против построения о балканской прародине славян стали выступать и немецкие ученые. Аргументы итальянцев Альберт Кранц использовал для обоснования построения, что славяне пришли вместе с германцами из Восточной Европы и входили в состав огромной державы, основанной прародителем древних германцев Туисконом, которая простиралась от Дона до Рейна. Славяне были потомками второго сына Туискона — Вандала [Мыльников 1996: 9–40]. На польскую почву такие взгляды перенес эльзасский немец, придворный хронист короля Сигизмунда I Иост Людвиг Деций [Ulewicz 1950: 72–73].

Такова была историографическая ситуация, когда М. Кромер в 50-х гг. XVI в. завершил написание своего труда, напечатанного в Базеле в 1555 г. Древней истории славян в ней была посвящена первая книга. И выбор языка для изложения (латынь), и выбор места издания (Базель — один из главных центров европейского книгопечатания) говорит о том,

что труд был явно адресован не только польскому, но и европейскому читателю. Уже это ставило автора перед необходимостью изложить не только свое видение событий, но и обосновать его правильность в полемике с представителями других точек зрения, излагавших свои мнения в текстах известных образованному европейскому читателю.

Отразившиеся в этом труде представления автора о древней истории славян неоднократно привлекали к себе внимание исследователей. Определенные итоги изучения этой части труда Кромера подвел А. С. Мыльников в ряде разделов своего обобщающего труда, содержащего характеристику изучения историографии XVI–XVIII вв. по древнейшей истории славян [Мыльников 1996: 165–168, 261–262, 272]. Важной задачей Кромера было не только изложить определенные взгляды, но и предложить их обоснование. В последующем изложении будет рассмотрено, как он приступил к решению этой задачи.

Хроника Кромера начинается несколько неожиданно: с утверждения, что до эпохи правления византийского императора Юстиниана (сер. VI в.) имя “славян” не было известно античным писателям. А с этого времени в руки славян перешли многие провинции Римской империи, часть Германии и часть Азии. Славяне “*Fines suos armis propagaverunt*”, очевидно, поэтому славянские народы, перечисление которых Кромер также поместил в этом разделе, именуется “*fortissimae gentes*”. Тем самым европейскому читателю показывалось, что славяне с VI в. стали принимать самое активное участие в мировой истории. При этом, перечисляя отдельные славянские народы, автор подчеркивает единство славянского мира. Все славянские народы говорят на одном славянском языке и “*commune slavorum nomen agnoscunt*” [КРОМЕР 1555: k. 1].

В последующих разделах труда Кромер излагает различные существующие точки зрения на происхождение славян и одновременно формулирует некоторые методологические подходы к решению вопроса. Это позволяет утверждать, что в этом историческом сочинении сер. XVI в. отчетливо прослеживаются элементы научного исследования.

Описывая версии о происхождении славян от Алана, потомка Иафета, сына Ноя, или от Хелизы, сына Явана, Кромер констатирует, что эти версии основаны на неких “генеалогиях” — перечнях потомков Ноя. Этой традиции автор отказывает в доверии, так как к составлению подобных текстов побуждает представителей того или иного народа желание доказать свою древность или автохтонность или иметь славных предков (так древние греки возводили свое происхождение “*a fabuloso-rum deorum*”). С явной иронией он отметил, что даже венгры, не довольствуясь происхождением от Аттилы, производят себя от Магора, сына Немрода. Вместе с тем по убеждению автора, варварские народы и не

могли иметь ранней и достоверной традиции, так как письменность они получили только вместе с христианством, и, следовательно, ранее существующая традиция никак не фиксировалась [СРОМЕР 1555: к. 2–3, 5].

В этих первых разделах труда Кромер формулирует и другой важный принцип своего исследования. В польской исторической традиции прочно сохранялось представление об автохтонности славян на тех землях, которые они занимают, и попытки поставить это положение под сомнение вызывали в местной среде резкую реакцию (как в отклике М. Меховского на “Вандалию” А. Кранца). Неслучайно поэтому Кромер поместил в своем труде рассуждение, что история народов в древности — это история их миграций, когда на той или иной земле один народ сменяет другого, меняя места обитания в поисках более благоприятных условий жизни. В другом разделе своего труда, наблюдая за передвижениями германских племен, он констатировал, что чаще всего миграции идут с севера на юг в поисках более благоприятных природных условий [СРОМЕР 1555: к. 5, 22–23; Мыльников 1996: 272].

Расчистив так почву для исследования, Кромер формулирует положения, которые нуждаются в проверке. Первое из них состоит в том, что славяне — это древнее население Далмации, со временем переселившееся на север. Второе — славяне — ветвь германцев, пришедшая из Восточной Европы вместе с другими германскими племенами. Критическому разбору этих двух положений посвящены последующие разделы труда.

В четвертой главе разбирается вопрос о соотношении славян и “далматов”. Для его решения автор использует два разных аргумента. Обращаясь к “Географии” Птолемея, он констатирует, что приведенные в ней названия городов, рек, племен по своей этимологии “*nihil commune habet cum lingua Slavorum*”, и резко отличаются от названий городов, основанных славянами. Дело обстоит иначе, если бы славяне заселяли этот регион “*ab initio*”. Другой довод — свидетельства Прокопия Кесарийского (а это — “*certissimus testis*”) о нападениях славян в VI веке с севера на земли Далмации и Иллирика. Вывод — славяне не являются древним населением Далмации [СРОМЕР 1555: к. 6–7].

Разбор этого фрагмента труда позволяет констатировать, что мы имеем дело с зачаточной формой научного исследования. Кромер не просто отвергает неправильную точку зрения, а приводит аргументы, заимствованные из разных областей нарождающегося научного знания. Обращает на себя внимание, что он хочет опираться на наиболее ранние и достоверные источники (в данном случае на свидетельства Прокопия). На этом пути он следовал по дороге, проложенной Бернардом Вавовским, незаконченную работу которого он хорошо знал, но остается

неизвестным, как Ваповский обосновывал выдвинутые им положения. В заключение раздела, говоря о вторжениях славян на Балканы, Кромер ссылался на аналогичное мнение Флавио Бьонда, но ссылка эта имела вспомогательный характер.

Доказывая, что славяне не являлись древним населением Далмации, Кромер фактически опровергал утверждения о миграции славян в некую древнюю эпоху с юга Европы на Север, но такого заключения в этом разделе хроники ещё не было.

В последующих разделах хроники М. Кромер вступил в полемику с представлениями о древней истории славян в трудах его немецких современников. Так, А. Кранцц в напечатанной в 1519 г. Вандалии, опираясь на свидетельство Псевдо-Бероза, писал об огромном государстве, охватывавшем земли от Дона до Рейна, основанном праотцом германцев — Туисконом. В состав этой державы входили и славяне — потомки Вандава, второго сына Туискона (германцы происходили от его старшего брата — Тевтона) [Мыльников 1996: 39–40]. При таком подходе древние славяне отождествлялись с “вандалами”, о которых говорилось в текстах латинских и греческих авторов. На польской почве, как уже отмечалось, такие взгляды были воспроизведены в хронике Иодокуса Людвиг Деция “*De vetustatibus Polonorum*” (1521 г.), где подчеркивалось, что предков поляков и немцев объединяла дружба и жизнь в общем государстве. Среди народов, входивших в державу Туискона, были “*Vandali seu Venedi*”, которые жили на берегах Вислы [Ulewicz 1950: 71–72].

Задачей Кромера стала критическая проверка утверждения о тождестве древних славян и “вандалов”. Здесь Кромер снова прибег к аргументам от филологии. Он указывал, что по свидетельствам древних авторов вандалы — это часть германцев, о принадлежности их к германцам говорят и имена их королей. А славяне говорят на своем особом языке, который резко отличен от немецкого [Кромер 1555: к. 9–10]. К этому аргументу Кромер прибег и в седьмой главе первой книги “Хроники”, затрагивая более общий вопрос о соотношении между германцами и славянами. На наличие некоей древней связи между славянами и германцами указывал, как уже отмечалось выше, А. Кранцц. В подтверждение этого он отмечал наличие большого количества немецких слов в языке чехов и поляков. Возражая, Кромер указывал, что в этом случае немецкие заимствования должны были бы присутствовать в языках всех славянских народов, но в языке восточных и южных славян таких немецких заимствований нет [ibid.: к. 12]. Хотя Кромер и отмечал, что многие сомневаются в свидетельстве Псевдо-Бероза, он не отвергал возможности того, что славяне могли прийти в восточную часть Европы

вместе с Туисконом, он только доказывал, что они не являются его потомками [ibid.]. Кромером был использован и другой аргумент против тождества вандалов и древних славян — различия в их общественном строе. Во главе вандалов в V–VI вв. античные авторы постоянно упоминают королей (*sub regibus semper fuisse*), а славяне VI в., по свидетельству Прокопия, подобных предводителей не имели [ibid.: к. 9].

Исследование Кромера привело его к двум важным результатам. Во-первых, оказалось разрушено представление о миграции славян из Юго-Восточной Европы на север, и гипотеза о южной прародине славян прекращала свое существование. Во-вторых, свидетельства “самых достоверных свидетелей” (прежде всего Прокопия Кесарийского) указывали, что еще в VI в. славяне находились к северу от Дуная, на землях Центральной Европы, откуда они и нападали на Византийскую империю. В этих условиях актуальной становилась задача поиска на территории этого региона предков славян и в VI в. н. э. и в более древние времена.

В этой историографической ситуации внимание Кромера закономерно привлекли известия античных авторов о “венетах” — жителях такого региона. Известия эти, конечно, были известны и ранее (как сообщения в “Географии” Птолемея или в “Германии” Тацита), но внимания сторонников гипотезы о южной прародине славян эти известия не привлекали, а германские исследователи сближали название “венеты” с термином “венды”, как называли славян на землях полабских славян, вошедших в состав Империи, а сам этот термин оценивался как искаженное название “вандалы” и служил поводом в пользу установления связи между вандалами и древними славянами.

Это положение стало предметом критического анализа Кромера в шестой главе первой книги его труда. Ссылаясь на “Географию” Птолемея, он указывал, что в этом труде “венеты” — один из народов Сарматии, а вандалы — одно из германских племен. Другой важный аргумент он извлек из сочинения другого “свидетеля” событий VI в. Иордана. Иордан, как отмечает Кромер, пишет о миграции “вандалов” из Восточной Европы на земли Паннонии, а затем сообщает о войнах правителя готов IV в. Германариха с венетами [КРОМЕР 1555: к. 10]. Отсюда заключение, что венеты (венеды) и вандалы — два разных народа. Кромер не отрицал сходства названий “венды” и “вандалы”. Он полагал, что исторические “венеты” были соседями “вандалов”, которые жили на берегу Вислы, более близком к Германии, а после ухода вандалов на юго-запад поселились на их территории и заимствовали их название [ibid.: к. 9–11].

Кто же были “венеты”? Ответ на этот вопрос дали Кромеру свидетельства Иордана, высказывания в двух местах его сочинения. Упомянутый рассказ Иордана заканчивался словами, что “из одного корня”

происходят три народа — венеты, анты и славяне, а в помещенном в труде описании “Скифии” говорится, что венеты “преимущественно называются славянами и антами” [Свод 1994: 106–107, 170–171].

Из этих высказываний Кромер сделал вывод, что под разными названиями здесь выступает один народ, в древние времена заселивший территорию между Балтийским морем и Днестром и Дунаем на юге [СРОМЕР 1555: к. 11]. Закономерно, что как важный ориентир на этой территории хронист выделяет реку Вислу, на которой, по свидетельству Иордана, жили венеты. Для Кромера это было важным свидетельством того, что предки поляков появились на территории современной хронисту Польши еще в древние времена.

Подводя итог разбора этой части повествования Кромера, следует отметить, что критическое отношение к различным гипотезам о происхождении и путях миграций славян, использование доводов филологии, его стремление опираться на наиболее ранние и достоверные источники таких “достоверных свидетелей” событий VI в. н. э., как Прокопий Кесарийский и Иордан, позволили ему сделать крупный шаг вперед в изучении прошлого древних славян. Такие положения, что славяне не были древним населением Иллирика и Далмации и пришли туда лишь в VI в. из-за Дуная, что исторические судьбы славян и вандалов различны, стали прочным достижением науки. Поднятый же Кромером вопрос об исторической связи между “венетами” и древними славянами является до сих пор предметом дискуссий между палеославистами.

Разбирая свидетельства Прокопия и Иордана, Кромер констатировал, что с VI в. “славяне” стали обозначать себя таким названием. Хронист отмечает две возможных этимологии этого названия от “слова” — лат. *Verbum*, и от “слава” — *fama sive gloria*. Автор, писавший в самом начале своего труда, что славяне — “*fortissimae gentes*”, склоняется ко второй этимологии, ссылаясь на то, что славяне совершили “*res magnas [. . .] contra Romanum imperium*”. Этот выбор Кромер подкрепил и научным аргументом: обозначения славян в латинских текстах как *sclavi* и *slavi* говорят в пользу именно второй этимологии [СРОМЕР 1555: к. 13].

Исследованные Кромером тексты Иордана и Прокопия давали хронисту надежную точку опоры — к VI в. славяне заселили в восточной части Европы обширные земли на север от Дуная. “География” Птолемея говорила о “венетах”, которые жили у Балтийского моря в ещё более древние времена [Свод 1994: 50–51], но каких-либо свидетельств о ещё более древней истории славян известные Кромеру источники не содержали.

Хронист приступил к таким разысканиям, опираясь на авторитет библейской легенды о “смешении языков”, из которой следовало, что

предки славян пришли в места своего обитания на север из Месопотамии. Предшественники Кромера полагали, что эта миграция на север происходила через Балканы. Кромер с полным основанием такой маршрут миграций отверг. В этих условиях оставался только один вариант: путь через Кавказ на земли Восточной Европы¹. При таком подходе Восточная Европа оказывалась своеобразной прародиной славян, и там следовало искать свидетельства о древнейшей истории славян.

Избранный Кромером метод представлял собой попытку найти в текстах древних авторов какие-либо свидетельства о восточнославянских общностях, известных хронисту. В начале своего труда Кромер, перечисляя восточнославянские общности, указал “Russi”, которых называют рутенами, “Volynij” и “Moschi” [КРОМЕР 1555: к. 1]. Причины выделения в особую группу жителей Волыни остаются неясными, но появление в перечне “мосхов” отражает реакцию образованной элиты польского общества на образование Русского государства [КАРНАУХОВ 2010: 67–68]. При изучении прошлого Восточной Европы Кромер оказался в весьма трудном положении, располагая по отношению к этому региону названиями городов и неких этнических общностей, о которых в его распоряжении не было по большей части каких-либо конкретных данных. В этих условиях, учитывая отсутствие у хрониста каких-либо познаний о древних языках европейских народов и какой-либо подготовки для сопоставления между собой языковых фактов разного происхождения, и в это время, и много позже дело сводилось к поискам простых созвучий, тем более что такие поиски давали, казалось, ощутимые результаты. Так, обнаружили город “Moschikos” в Каппадокии, “Мосхи” среди жителей Колхиды. Речь идет о народе, пишет Кромер, занимающем большую часть Азиатской Сарматии. Такая констатация сопровождается рядом важных комментариев. Ссылаясь на сочинение Сигизмунда Герберштейна — наиболее авторитетное в современной Кромеру научной литературе описание России (“Московии”), — Кромер отметил, что жители этой страны используют по отношению к себе “Russorum popen”, московского митрополита называют митрополитом “Russie”, а сами правители Москвы называют себя правителями “Russiae totius”. Из этих наблюдений следовал вывод, явно расходившийся с тем, что Кромер написал в начале своего труда: жители “Московии” — “Russorum partem ac unum quendam populum eos esse” [КРОМЕР 1555: к. 15]. Следует отметить: выдающийся представитель культурной и политической элиты польского общества середины XVI в. знал об особенностях самоназвания жителей современной ему России и принимал их во внимание.

¹ См. замечание Кромера, что первоначально предки славян находились, вероятно, в Азиатской Сарматии, так как оттуда ближе к Вавилонии [КРОМЕР 1555: к. 12].

Так как получалось, что люди, называющие себя “русскими”, заселяют очень обширные территории Восточной Европы, то есть того региона, через который, согласно Кроммеру, должны были идти славянские миграции, то именно здесь следовало искать следы древнего присутствия “русского народа”. На этот счет Кроммеру удалось найти некоторые достаточно ранние свидетельства. Так, в 38–39 главах книги пророка Иезекииля упоминается об ожидаемом нашествии на Израиль с Севера князей Роса и Мосоха. “Рос” мог быть родоначальником “руссов”, но никаких сведений об этом Росе Кроммер не нашел ни у древних авторов, ни в “генеалогиях” [СРОМЕР 1555: к. 18–19; КАРНАУХОВ 2010: 69]. Другое свидетельство принадлежало датскому хронисту начала XIII в. Саксону Грамматику, что “русские” вели войны с датчанами и шведами ещё до Рождества Христова [СРОМЕР 1555: к. 16]. Свидетельство это Кроммер привел, но не сопроводил его какими-либо комментариями. По-видимому, оно не было для него авторитетным. Бóльшее внимание привлекло к себе построение одного из его предшественников Матвея Меховского, что предками живущих в Восточной Европе “русских” является такая общность, как “роксоланы”, о которых говорится у целого ряда античных авторов².

В собранных Кроммером свидетельствах он обнаружил сведения о местонахождении этого народа: Плиний и Птолемей помещают их в Сарматии, у Азовского моря, а Страбон говорит об их поселении между Днепром и Доном [СРОМЕР 1555: к. 16]. Разумеется, никаких оснований для отождествления “роксоланов” и “русских” эти свидетельства не давали, но такое построение хорошо соответствовало сконструированной Кроммером схеме миграции славян, и он стал строить своё повествование, отталкиваясь от неё. В последующем изложении, снова описывая расселение славян на землях Центральной и Юго-Восточной Европы, он закончил рассказ словами, что те, кто остались на своей родине, сохранили древнее имя Роксолан, которое приняло форму “*Russianos et Russos*”. Чтобы подкрепить свое построение, Кроммер указал, что в греческих текстах (в частности, в грамотах константинопольского патриарха, которые он видел в Вильно) читается форма “*Rossia*”, которая ещё ближе к названию Роксолан [ИВИД.: к. 17]. Весь же раздел, посвященный установлению “*Slavorum origo*”, Кроммер закончил словами: “*Russis igitur Slavorum omnium originem*” [ИВИД.].

Предпринятые Кроммером разыскания вели к пересмотру представлений о месте Руси в славянском мире, которые активно пропагандировал Ян Длугош, доказывавший, что “русские” — это часть польского народа, отделившаяся от него во время внутренних смут. В схеме Кроммера

² Об этих построениях М. Меховского см.: [КАРНАУХОВ 2010: 61–62].

Русь выступала как своеобразная прародина славян, тот источник, откуда шли на разные земли славянские миграции. Однако выбор такого подхода не был связан с какими-либо симпатиями к Руси, а объяснялся стремлением связать известные хронисту факты с библейской легендой.

Связь между древней историей славян и последующей историей Польши в польской исторической традиции образовывала легенда о Чехе и Лехе, двух братьях, которые в древние времена вышли со своими соплеменниками из Хорватии и переселились на север, в места, где позднее жили чешский и польский народы³.

При работе над этим сюжетом своих источников Кромер оказался в довольно сложном положении. Дело было не только в том, что эта легенда занимала важное место в польской исторической традиции. Кромер был убежден в существовании правителей, которые дали чешскому и польскому народам свои имена. На полях соответствующего раздела его труда была помещена специальная глосса: “*Voemi et Poloni a ducibus pomina asserege*” [СРОМЕР 1555: к. 25]. По отношению к Леху и полякам Кромер мог подтвердить эту точку зрения рядом доводов. Он отметил, что неслучайно “*Russi et Moschi*” называют поляков “ляхи”, а венгры — “*lengyel*”, в Винцент Кадлубек называет поляков “лехитами”. Все эти свидетельства, по его мнению, говорили о поляках как о людях, связанных с Лехом, от него получивших свое имя [Ibid.: к. 20].

Вместе с тем легенда в ее традиционном содержании находилась в принципиальном противоречии с теми представлениями о расселении славян по Европе, которые Кромер выработал на основе анализа источников. Все это заставило его в XIV–XVI главах первой книги труда снова обратиться к уже обсуждавшимся вопросам. Он снова констатирует и подчеркивает два положения. Во-первых, до эпохи Юстиниана на юге Европы славян не было, а Лех и Чех, которых Кромер считал славянами, не могли раньше этого времени поселиться в Хорватии. Во-вторых, к этому времени славяне, по свидетельству Иордана, уже жили на Висле [СРОМЕР 1555: к. 22–24]. Таким образом, хронист разрывает связь между приходом Леха и Чеха и заселением соответствующих территорий предками чехов и поляков. Для согласования имеющейся информации с преданиями о Чехе и Лехе хронист выдвигает свою гипотезу (*probabilior sententia*). Согласно этой гипотезе путешествие Чеха и Леха на север было связано с появлением у западных славян княжеской власти. Он цитирует свидетельство Прокопия об отсутствии у славян княжеской власти [Свод 1994: 182–183] в VI в., но позднее, по его мнению, такая

³ Об этой легенде см.: [Мыльников 1996: 141 и сл.]. В ряде вариантов легенды речь идет о трех братьях, Лехе, Чехе и Русе, но в системе взглядов Кромера для путешествия этих братьев вместе с Русом места не было и в тексте Кромера он не упоминается.

потребность могла появиться и местные славяне могли пригласить к себе “peregrinos reges” из Хорватии [СРОМЕР 1555: к. 25; Мыльников 1996: 167–168].

Такая интерпретация предания, сделанная, правда, в весьма осторожной форме, давала возможность Кромеру сохранить в своих основных положениях очерк древней истории славян и их расселения по Европе.

Подводя итоги, следует отметить, что рассмотрение всего текста первой книги сочинения Кромера позволяет рассматривать его как свидетельство зарождения методов научного исследования древней истории славян. Не случайно в его труде помещен перечень использованных автором источников и ссылки на них постоянно отмечаются и в тексте, и в глоссах к нему, то же касается и сочинений его предшественников. Налицо его стремление подвергнуть критическому анализу мнения его предшественников, опираясь на сведения источников, из которых он стремится выделить наиболее ранние и достоверные, и в целом ряде случаев такой выбор оказался верным, и это позволило Кромеру сделать важные исторические выводы. В этом выборе Кромер, как представляется, уже мог опираться на работы европейских исследователей античных и ранневизантийских текстов. Следует также отметить его стремление строить свою аргументацию на данных, почерпнутых из разных областей зарождающегося научного знания.

Наконец, надо отметить, что, реконструируя историческое прошлое древних славян, Кромер решительно отбрасывает свидетельства, находящиеся в противоречии с ранними и достоверными источниками. В его повествовании нет места ни рассказам о войнах древних поляков с галлами, македонцами и Юлием Цезарем⁴, ни грамоте Александра Македонского славянам (об этой грамоте см. [Мыльников 1996: 45 и сл.]). Помимо общих установок Кромера как представителя зарождающегося научного знания, имело значение, что труд обращался к европейскому образованному читателю. Вместе с тем методы исследования оставались еще достаточно несовершенными и далеко не всегда могли обеспечить достоверный результат. Кроме того, в каких-то моментах приходилось идти на компромисс с традицией (примером может служить предание о Чехе и Лехе) и искать в источниках подтверждения библейской легенды (отсюда поиски прародины восточных славян на территории Восточной Европы), но важный шаг по пути к научному познанию прошлого древних славян в середине XVI в. был сделан, и на польской почве он тесно связан с именем Кромера.

---

⁴ Рассказы эти читались в хронике Винченца Кадлубка (нач. XIII в.) и воспроизводились в последующей традиции.

Библиография

КАРНАУХОВ 2010

КАРНАУХОВ Д. В., *Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения*, Новосибирск, 2010.

МЫЛЬНИКОВ 1996

МЫЛЬНИКОВ А. С., *Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVII вв.*, С.-Петербург, 1996.

Свод 1994

ГИНДИН А. А., ИВАНОВ С. И., ЛИТАВРИН Г. Г., *Свод древнейших письменных известий о славянах, 1: I–VI вв.*, Москва, 1994.

ФЛОРЯ 2017

ФЛОРЯ Б. Н., «Славяне» и «сарматы» в сочинениях польских историков конца XV – середины XVI века», *Славянский альманах*, 1–2, 2017, 48–54.

CROMER 1555

MARTINI CROMERI *de origine et rebus gestis Polonorum libri XXX*, Basileae, 1555.

ULEWICZ 1950

ULEWICZ T., *Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w.*, Kraków, 1950.

References

Floria B. N., “Slavs’ and ‘Sarmatians’ in the Works of Polish Historians at the End of 15th–Middle of 16th Century,” *Slavic Almanac*, 1–2, 2017, 48–54.

Gindin A. A., Ivanov S. I., Litavrin G. G., *Svod drevneishikh pis'mennykh izvestii o slavianakh*, 1, Moscow, 1994.

Karnaukhov D. V., *Kontseptsii istorii srednevekovoi Rusi v pol'skoi khronografii epokhi Vozrozhdeniia*, Novosibirsk, 2010.

Myl'nikov A. S., *Kartina slavianskogo mira: vzgliad iz Vostochnoi Evropy. Etnogeneticheskie legendy, dogadki, protogipotezy XVI – nachala XVII vv.*, St. Petersburg, 1996.

Ulewicz T., *Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w.*, Kraków, 1950.

член-корр. РАН **Борис Николаевич Флоря**, доктор ист. наук
Институт славяноведения РАН,
заведующий Отделом истории средних веков
119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32А
Россия/Russia

Received April 5, 2016